

Титов Николай Павлович

Неправдоподобные рассказы

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Павлович Т.**
Неправдоподобные рассказы: Том 3 / Титов Николай Павлович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 373 с.

ISBN 978-5-519-76773-6

ISBN 978-5-519-76773-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I

Чичероне привѣтствуетъ одного изъ боевыхъ коней своихъ, Чичероне привѣтствуетъ Черное море и ему поклоняется, не смотря на его черное званіе. Оно блистало въ неправдоподобномъ разсказѣ Бимбаша, какъ блеститъ фальшивый Ои-Фумудъ, подложенный фольгой, между тусклыми кристалловъ на

томпаковомъ перстиѣ провинціального лакея. Оно красовалось въ описательномъ слоgѣ, какъ красовались въ польскомъ Фердлевъ съ Аницкой, открывал деревенской балъ въ Городинѣ.

Праздный мечтатель сидитъ на берегу тво-емъ, Черное море, и задумчивый взоръ его перебираетъ твои волны, какъ неподвижный Османлы перебираетъ благовопныя четки; съ каждымъ перепущеннымъ зерномъ, съ каждой прдающей волною является новал мысль. Мечты чловѣка играютъ какъ углекислый газъ въ вспѣнненномъ бокалѣ, какъ рѣзвятся веселыя волны твои, Черное море! онѣ несутся игривой толпой воспоминаній прошедшаго и надеждъ будущаго; свѣтлыя ваши взоры, веселыя волны, вливаютъ отраду въ сердце празднаго мечтателя. Но ты море коварно, и къ твоему названію Чернаго—надо прибавить еще женское имя: напрасно объ этомъ не подумали Греки. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и Чичероне назвалъ бы тебя женскимъ въ превеликолѣпномъ и превзорномъ манускриптѣ, который зарылъ бы тщательно въ гробницу знаменитаго чловѣка. И теперь, по вскрытіи элой гробницы, по открытіи рукописи изѣденной вѣками, ты, Черное море, называлось бы женщиной и нетерпѣливый мо-

рякъ, възбѣщенный тобою, вѣроятно бы прибавлялъ къ твоему нѣжному имени весьма не нѣжный эпитетъ.

Черное море, иногда взоръ твой блистательнѣе какъ зрачекъ улыбающейся красавицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ ты такъ же чувствительно, какъ одна изъ потомокъ прабабушки Еввы: малѣйшее дуновеніе нестритъ зеркальную твою поверхность, а сильный вѣтеръ выводитъ тебя изъ терѣніа; тогда свирѣпыя твои волны можно сравнить съ гнѣвомъ красавицы, но не съ ея наружностію; тогда угрюмые взгляды валовъ твоихъ, тоже что отблескъ въ зрачкѣ несчастливца, снѣдаемаго одной постоянной идеей, котораго его губитъ морально; тогда воображеніе празднаго мечтателя рисуетъ ему мрачныя виды; тогда ты, Черное море, наводишь на него черныя думы и онъ читаетъ на челѣ твоёмъ безконечную безнадежность. Коварное море! твой образъ ужасенъ во время бури; грозныя твои волны со включенными сѣдинами, наводятъ трепетъ на робкую душу, и только твердый человѣкъ можетъ понять поэзію твоего гнѣва и ея наслаждаться. Съ высоты нависшей скалы онъ презрительно смотритъ на твою безсильную ярость, и съ палубы измученнаго тобою корабля, издѣвается надъ твоимъ мо-

гучимъ бѣшенствомъ и дразнить валы твои, какъ отважный охотникъ дразнить хищнаго звѣря, котораго выжидаетъ твердой ногой, съ надежнымъ оружіемъ. Но послѣ бури ты опять бываешь тихо, покойно; твоя поверхность вновь улыбается шкиперу и матрозамъ утомленнымъ непогодой; ты забываешь ихъ проклятія и снисходительно терпишь ихъ на себѣ и повинуюешься ихъ волѣ, — не правда ли что ты, Черное море! какъ вѣтреная женщина, забудешь хулу наемнаго Чичероне и будешь помнить однѣ продажныя похвалы его. Разскащикъ, покидая первый томъ свой и Европейскую Турцію, доверяется тебѣ вполне съ однимъ изъ своихъ героевъ, бывшимъ Турецкимъ Бимбашемъ, а нынѣ странствующимъ Мусульманиномъ Османъ-Беемъ. Ты, Черное море! на рѣзвыхъ волнахъ донесешь его до Россіи и покажешь ему твердую землю.

Conte Mainoth, Триестскій уроженецъ въ Австрійскомъ мундирѣ, т. е. двухъ-мачтовый купеческій корабль подъ Австрійскимъ флагомъ, отходилъ въ Одессу и долженъ былъ сниматься съ якоря; а когда?— Чичероне это ужъ забылъ и справляться ему скучно, справьтесь, господа, сами въ послѣдней главѣ перваго тома Разсказовъ: Шкиперъ живой Италіанецъ (Чичероне

также забылъ его фамилію) съ нетерпѣніемъ ожидалъ пассажира Османъ-Бей, нанявшаго у него каюту. Часовъ въ десять вечера полусонные матрозы увидѣли съ удивленіемъ, что Османъ вмѣстѣ съ Арапомъ, привезъ еще молодую, закутанную въ мужской плащъ Гречанку, которая всходила на корабль будто поневолю и изрѣдка рыдала. Италіянецъ, не договаривавшійся о третьемъ пассажирѣ, хотѣлъ было спроводить Марію, вѣролтно узнанную читателемъ, на твердую землю. Споръ начался между Османомъ и хозяиномъ; оба коверкали языки Турецкій и Италіянскій. Марія, понявъ смыслъ крупнаго разговора, крѣпко ухватила за лѣвую руку Бей; споръ тотчасъ кончился отъ того, что изъ одной правой руки въ другую правую пересыпалась горсть полновѣсныхъ червонцевъ, и Италіянецъ отдалъ каюту въ полное распоряженіе Османа. Вѣтеръ былъ слабъ, но по примѣтамъ долженъ былъ усилиться вмѣстѣ съ наступленіемъ разсвѣта, и тогда для Conte Mainoth предстояло начало его плаванія или рейса.

Небольшая, но опрятная каюта купческаго корабля ночью освѣщается лампой, заключенной въ стеклянномъ шарѣ, днемъ свѣтъ проходитъ сквозь окошко, сдѣланное въ потолкѣ. Пріѣхавшему съ твердой земли и изъ

неопрятнаго дома, эта каюта правится на первый разъ, но не на-долго; по малому ея пространству, по одному только окошку на верху, по сырому, холодному осеннему воздуху, пассажиръ видитъ въ этой комнатѣ опрятную темницу, въ которой остается неохотно, предпочитая тѣсную палубу. Такія разсужденія не приходили впрочемъ на умъ ни Осману, ни Маріи, очутившимся въ каютѣ. Османъ послѣ столькихъ мучительныхъ ожиданій, исхитилъ красавицу изъ челюстей враговъ, исхитилъ съ опасностью собственной жизни; онъ былъ сначала въ восхищеніи, а потомъ... зачѣмъ говорить объ этомъ. Вамъ вѣрно случалось гнуть шестерку съ двумя углами, и перегнувъ ее на пе, ожидать съ каждымъ абцугомъ вашихъ двадцати-восемь кушей; и вотъ банкёръ спустилъ на-право закрытую карту, а на-лѣво открылъ шестерку—ваши двадцать восемь кушей; атанде! не горячитесь; какъ-бы не такъ!—и на-право та же шестерка; вмѣсто того, чтобы выиграть четырнадцать, вы проиграли семь; но это не такъ еще понятно. А вотъ напри-мѣръ, вы вообразите себѣ мм. гг. что вы проигрались до конъйки; надо себѣ это вообразить, если въ самомъ дѣлѣ съ вами этого не случилось; и такъ вы промотались и проигрались

до копѣйки, до невозможности: всѣ ресурсы кончились. Вы бредите деньгами, вы алчете денегъ; вы опасный человѣкъ, нельзя оставить на столѣ бѣленькой бумажки—она искуситъ васъ. Тоска, скука отъ нужды, отъ желанія мотать по прежнему, отъ желанія играть снѣдаютъ васъ—однимъ словомъ, вы, въ моральномъ отношеніи, будто съ похмѣлья; вы сходите съ ума отъ крайности и вдругъ, по какому-нибудь случаю, совсѣмъ неожиданно свалилась съ неба, т. е. не съ неба, а изъ почтовой конторы повѣстка на ваше имя, за которой слѣдуетъ толстый конвертъ ассигнацій. Въ почтамтѣ вы расписываетесь въ полученіи не пересчитавъ сѣрыхъ красавицъ, не прочитавъ даже приложеннаго письма. Нужды кончились, вы богаты, веселитесь, играете, мотаете по прежнему; какъ хорошо, что все сбылось съ рукъ, все въ заведусь по послѣдней модѣ! вотъ мысли отъ почтамта до обнаженной вашей комнаты. Знакомый встрѣтя васъ приметъ за сумасшедшаго; вы въ самомъ дѣлѣ сошли съ ума; вы забыли вашу ямскую карету; вы бѣжите; въ ногахъ вашихъ ртуть, въ рукахъ ртуть, въ тѣлѣ ртуть—ртуть въ карманѣ, въ головѣ, ртуть отыскивающая центра тяжести. Вы нашли центр тяжести въ своей комнатѣ, сбросили шинель,

просили шиллу, смотрите на ассигнаціи, считается, складываете, перекладываете; онъ ваши, васъ никто съ ними не разлучить; эта минута—блаженство, рай! Отъ кого же деньги? почеркъ дядюшки; какой добрый Аеоновсій Сергѣевичъ! кто бы отъ него ожидалъ? вы забыли прочитать предлинное, прескучное письмо отъ шестидесятилѣтняго троюроднаго дядюшки; письмо дышущее мускусомъ нравовученія, начиненное моралью какъ пирогъ капустой, который подаютъ послѣ вкуснаго обѣда. Вы жуете три страницы; что за галиматья! о деньгахъ ни слова; каждая литера скучна, томительна. Вы находите все, все кромѣ желаемого, кромѣ статьи о деньгахъ; наконецъ добрались до любящаго, обнимающаго, будто въ судебномъ приговорѣ до «опредѣляли», а объ деньгахъ ни слова; оборачиваете листъ и *postscriptum* худощавый, какъ голодный писатель. PS. «Любезный племянникъ! прилагаемыя деньги отвези въ Опекунскій Совѣтъ для уплаты за меня процентовъ; возьми и перешли мнѣ квитанцію; издержки возвращу съ благодарностью.» Съ васъ же издержки, когда нечѣмъ заплатить Ванькѣ. Ужасъ! можетъ ли судьба такъ зло издѣваться. Вы проклинаете дядюшку, рвете письмо, бросаете, мнете, топчете ассигна-

ціи. Вы въ бѣшенствѣ, неистовствуете; ваше положеніе вдвое хуже чѣмъ до полученія конверта; деньги въ вашихъ рукахъ, онѣ вамъ нужны, необходимы какъ воздухъ, а деньги не ваши; онѣ насмѣхаются надъ вами, дразнятъ, строятъ гримасу. Пресквѣрное положеніе, мм. гг., не правда ли? но это было ничто передъ положеніемъ Османа, который очутился съ Маріей глазъ на глазъ въ каютѣ, оставленной шкиперомъ, на устахъ котораго скользнула лукавая улыбка. Османъ, не видѣвъ лица Маріи, былъ обладателемъ принадлежавшаго ему клада; дѣва, очнувшись отъ обморока въ яликѣ, ему принадлежала, ему одному, навсегда, безвозвратно. Она очнулась, громко зарыдала, потомъ тише и тише, но не говорила ни слова, оставивъ холодную руку въ рукѣ своего обожателя; одинъ только разъ онъ чувствовалъ пожатіе этой руки при спорѣ съ шкиперомъ. Дѣва молчала, отвѣчала на утѣшеніе рѣдкимъ рыданіемъ; но Османъ на это не обращалъ вниманія: дѣва была его. Онъ увидѣлъ ее въ каютѣ—какое жестокое разочарованіе! Лице Маріи являло всѣ признаки нѣмаго отчаянія; она съ ужасомъ оттолкнула приблизившагося къ ней Бей.

«Оставь меня! предоставь мнѣ судьбу мою, я въ рукахъ Мусульманина; я не-

счастлива здѣсь, буду мучиться тамъ; ахъ отецъ мой!»

— Слушай Маріа! — сказалъ Мусульманинъ угрюмо, надувшись и не много подумавъ, — для одной минуты блаженства я готовъ жертвовать вѣчностью рая; ты любишь меня; я это знаю; но глубокіа чувства не удѣлъ женскаго сердца. Кто сказалъ, что ты въ рукахъ Мусульманина; ты свободна; иди, ступай, поѣзжай куда хочешь; я спасъ тебя; а ты меня же обвинишь. Хочешь возвратиться къ мачихѣ, или въ руки изуродованныхъ мною твоихъ похитителей? ступай, я не держу тебя.—Послѣдніа слова произнесены были съ особенной досадой.

«Османъ я виновата; но отецъ мой!»

— Маріа! кто кромѣ отца можетъ тебя покровительствовать? я одинъ у тебя покровитель. По пріѣздѣ въ Одессу мы увѣдомимъ Георгіа; онъ пріѣдетъ за тобой и не будетъ оставлять тебя въ рукахъ столь ненадежныхъ. —

«Нѣтъ, отецъ не повѣритъ; я посрамлена, обезчещена; я въ рукахъ Мусульманина.»

— Маріа! ты свободна — сказалъ Османъ опять съ досадой.

∴ «Османъ я виновата... прости меня... я люблю тебя, но ты... Мусульманинъ.»